

Яхьяев Мухтар Яхьяевич,
декан факультета психологии и философии
Федерального государственного образовательного
учреждения высшего образования
Дагестанский государственный университет,
главный редактор журнала «Исламоведение»,
доктор философских наук, профессор

«ЖЕНСКИЙ ШАХИДИЗМ» КАК ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ФЕНОМЕНА

Шахидство и шахидизм в исламе в последние десятилетия стали одними из самых обсуждаемых тем, по которым накопился солидный массив публикаций, правда, не столько научного, сколько публицистического и комментаторского характера. В большинстве популярных публикаций эти исламские феномены сопрягаются с войнами, террором, «живыми бомбами», суицидальным поведением и прочим негативом. В научном исламоведении они все еще рационально не осмыслены и не выражены в понятийной форме, что потребует от нас некоторых предварительных пояснений.

Как известно, одними из основных категорий диалектической методологии, играющих роль всеобщих познавательных инструментов, являются категории содержания и формы, которые отражают взаимосвязь сторон любой реальности. Содержание – это определенным образом упорядоченная совокупность частей, компонентов, внутренних и внешних связей между ними, образующих конкретное целое. А форма – это способ существования и выражения различных модификаций содержания, порядок внутренней организация содержания и его внешнее выражение. Во взаимодействии содержания и формы определяющая роль принадлежит содержанию, что не является отрицанием относительной самостоятельности формы, ее активного воздействия на содержание. Взаимодействие содержания и формы имеет диалектический характер, они могут находиться в относительно гармоничном единстве, между ними могут возникать противоречия и конфликты. Активное воздействие формы на содержание может способствовать развитию содержания, а может и приводить к искажению, деформации содержания. Несоответствие между содержанием и формой восстанавливается, как правило, разрушением старой и возникновением формы, соответствующей новому содержанию.

В социальных процессах изменения, которые происходят в форме под влиянием внешних условий, факторов и связей, могут привести к таким трансформациям содержания, которые существенно меняют изначальное содержание. Для обозначения формы, которая трансформировалась сама и активно воздействует на содержание, искажая

и деформируя его, в диалектической методологии используется категория «превращенная форма». «Преобразованная форма» предстает типом таких социальных отношений, где форма их существования приобрела самостоятельное значение и обособилась от исходного содержания. Иначе говоря, «преобразованная форма» – это качество, отличное от исходной формы, в котором она уже выступает вне связи с подлинной сущностью явления. В ней место адекватной содержанию формы занимает квазиявление, которое существует вполне объективно, дискретно и самостоятельно. Спецификой преобразованной формы, таким образом, становится новая «содержательная» роль, основанная на искажении действительной сущности.

Преобразованная форма существует как новая онтологическая реальность, особенность которой заключается в том, что она является продуктом искажения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Отличительная черта преобразованной формы состоит в объективной устраненности изначальных содержательных моментов: форма проявления получила самостоятельное «сущностное» значение, обособилась, содержание в явлении заменилось иными отношениями, которые заняли место действительных отношений. И такая видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренних связей, начинает играть роль самостоятельного механизма в реальных процессах, а связи действительного происхождения оказались «снятыми» в ней. Еще раз подчеркнем, что особенностью преобразованной формы является действительно существующее извращение исходного содержания или такая его переработка, что оно стало неузнаваемой. Но сама эта косвенная фигурация выступает как вполне самостоятельный, отделенный в пространстве и времени предмет. В своем самостоятельном существовании преобразованные формы – это такие же абсурды, как и жареные логарифмы, но, в отличие от последних, они – часть нашей реальности.

На основе сказанного мы можем вывести, что преобразованная форма исламского явления – это форма существования, которая искажает, восполняет и замещает исламское содержание, и в которой исходные, собственно исламские звенья «сжимаются» в особое состояние и порождают новое качество, новую действительность. И такие формы уже ведут самостоятельную, не связанную с исламом жизнь, но продолжают восприниматься общественным сознанием как реально исламские феномены. В качестве таких преобразованных форм исламских феноменов мы можем привести исламизм, джихадизм, шахидизм и др. В силу ограниченности времени я не могу предложить вам детальную характеристику всех этих явлений, остановлюсь только на рассмотрении «женского шахидизма» как террористического превращения исламского феномена.

Шахидство – это понятие, выражающее возможность перехода мусульманина в статус шахида. Шахидом ислама становится тот мусульманин, который уже обменял свою земную жизнь на вечное существование на пути джихада. Здесь важно не сводить джихад исключительно к газавату или священной войне, которую при определенных условиях должны вести мусульмане против иноверцев или неверующих. Глубинная сущность джихада заключается в сосредоточении сознания, воли, желаний, усилий отдельного верующего, всей уммы в целом на укреплении веры в Единого Аллаха, на защите и распространении этой веры, а также подчинении личной и общественной жизни всем правилам и требованиям исламской религии¹.

На посмертный статус шахида может претендовать только тот мусульманин, который в сложившихся конкретных условиях, по объективной необходимости, оказался готовым пожертвовать своей жизнью, но при этом важно то, что он сознательно не искал смерти и не обрекал на смерть других людей. Преследование каких-либо экономических, финансовых, политических, коммерческих, иных меркантильных целей и ценностей, смерть в погоне за мирскими благами не является шахидством и не возносит усопшего в состояние шахида. Террорист-смертник ни при каких условиях не может претендовать на статус шахида по той простой причине, что уже одной только своей смертью, не говоря об убийстве других людей, случайных жертв теракта, он не только не укрепляет веру, не способствует улучшению или увеличению уммы, а напротив, расшатывает и ослабляет умму, отвращает людей от ислама.

Исламское шахидство находит свое проявление в самых различных формах и видах. «Женский шахидизм» является одной их разновидностей шахидизма как превращенной формы исламского явления. Первые проявления женского шахидизма как террористического превращения обнаруживаются в религиозных процессах двух последних десятилетий прошлого столетия, когда самые различные террористические организации по всему миру стали активно вовлекать в свою разрушительную деятельность женщин в качестве «живых бомб». Так, первая известная акция с участием женщины-смертницы была проведена 9 апреля 1985 года, когда ливанка Сана Хайадали на грузовике с взрывчаткой подорвала израильский военный конвой. Другим громким проявлением женского терроризма стало убийство Раджива Ганди смертницей тамильского повстанческого движения «Тигры освобождения Тамил-Илама» в 1991 году. За последующее десятилетие, по различным данным, по всему миру было проведено уже около 240 террористических атак, почти 40% которых

¹ Более подробно о понимании джихада см.: Яхьяев М.Я., Яхьяев А.М. Феномен джихада в исламе // Исламоведение. 2020. № 4. С. 81–94.

(а, по мнению отдельных авторов, – до 70%) были осуществлены женщинами-смертницами¹.

Оккупация Ирака США и их союзниками в середине 2000-х гг. привела к небывалому всплеску терроризма с использованием «живых бомб». Так только в одном 2005 году было совершено 478 акций смертников, а в 2007 – 442. Всего в Ираке за пять лет террористы-смертники провели около 1700 террористических акций. Подобная же террористическая активность с 2006 года наблюдалась и в Афганистане, где в среднем ежегодно происходило примерно по 140 акций, проводимых смертниками, среди которых выделялись женщины².

В это же время тактика использования женщин-смертниц для проведения террористических акций получила широкое применение и в Палестинской организации «ХАМАС». Так, 14 января 2004 года 22-летняя Рим аль-Рейяши, которая оставила дома 3-летнего сына и годовалую дочь, произвела у израильского блок поста самоподрыв 5-килограммового взрывного устройства, начиненного болтами и гайками. С тех пор именно Палестина стала ассоциироваться в мировых средствах массовой информации с терроризмом женщин-смертниц. В силу того, что иракские, афганские и палестинские смертницы были мусульманками, в политико-публицистическом обороте широкое распространение получили термины, напрямую увязывающие самоубийственные акции, проводимые женщинами, с исламской религией: «женский шахидизм», «шахидки», «исламские смертницы», «невестки Аллаха», «черные вдовы» и т. п.

В новом тысячелетии террористические акции, проводимые женщинами-смертницами, произошли уже почти в двух десятках стран мира, в том числе и в России. Как женщина-смертница, которая первой в России произвела самоподрыв, обычно называется Хава Бараева, подорвавшая в июне 2000 года 27 военнослужащих российских частей специального назначения. В массовом порядке женщины - «живые бомбы» в России проявили себя в 2002 году. Среди террористов, захвативших Дом Культуры на Дубровке в Москве, было 18 смертниц. По некоторым данным только с июля 2000 года по май 2005 года смертницы участвовали в 22 из 27 террористических акциях, совершенных на территории России. С. Чудинов долю женщин среди «живых бомб» в России оценивает в 43% (47 из 110 человек)³. По другим данным количество взрывов,

¹ Schweitzer Y. Suicide Bombing: The Ultimate Weapon? 2002, 7 August. URL: <http://www.ict.org.il/articles/articledet.cfm?articleid=373>; Zedalis D.D. Female suicide bombers. 2004. URL: www.carlisle.army.mil/ssi/pdffiles/00373.pdf (дата обращения: 19.03.21).

² Schweitzer Y. Suicide Bombing: The Ultimate Weapon? 2002, 7 August. URL: www.ict.org.il/articles/articledet.cfm?articleid=373; Zedalis D.D. Female suicide bombers. 2004 URL: www.carlisle.army.mil/ssi/pdffiles/00373.pdf (дата обращения: 19.03.21).

³ Чудинов С.И. Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама). М.: Флинта: Наука, 2010.

осуществленных женщинами-смертницами в тот период, составляло 3% от общего количества совершенных терактов, но на них приходилось 48% всех жертв террористических акций¹.

Такое распространение практики женского суицидального террора требует объяснения ее природы, идейных оснований, мотивации, особенностей психологии и т. д. Тем более что даже в самих исламистских террористических организациях проявились расхождения в вопросе о ее допустимости с точки зрения ислама и шариата. Многие авторитетные мусульманские правоведы обращали внимание на то, что женщина не может не то что быть смертницей, она не имеет даже права появляться на улице одна, без сопровождения мужчины – мужа или родственника. Еще в 1996 году авторитетный исламский теолог, ливанский шейх Обейд заявлял: «Ислам запрещает женщинам участвовать в джихаде за исключением случаев самообороны и тогда, когда отсутствуют мужчины. В присутствии же мужчин джихад женщинам не разрешен»².

Имам итальянской мусульманской общины шейх Абдул Хади Палачи говорит: «Что касается женщины, то ее грех самоубийства по сравнению с мужчиной удесятывается, ибо, идя на смерть, она лишает милосердия и милости Всевышнего не только себя, но и всех своих родных по женской линии»³. Подобные высказывания различных авторитетных деятелей ислама находятся в русле позиции исламской ортодоксии, однозначно запрещающей использование женщин в качестве «живых бомб» и осуждающей любые осознанные самоубийства. Ведь по исламу самоубийца не может претендовать не только на попадание в рай, он не может быть даже похоронен на кладбище рядом со своими родственниками.

К использованию женщин-самоубийц как средства достижения каких-бы то ни было целей негативно относится не только исламская религия, но и традиционная культура многих народов мира. Место женщины в обществе и ее функции как хранительницы домашнего очага строго зафиксированы и в предписаниях ислама, и в нормах обычного права, и в адатах и традициях народов. Иначе говоря, самоубийственные акции, проводимые террористами, как мужчинами, так и женщинами находятся не только вне религии, но и вне традиционной культуры. Но почему же тогда так называемый «женский шахидизм» как практика использования женщин-самоубийц для проведения террористических акций получила и в мире, и у нас в России столь широкое распространение?

¹ Нечитайло Д.А. Запал для «умной бомбы» // «НГ- религии». 2009. 16 сентября.

² Ас-Сафир, 1996, 28 июля.

³ Артюшкин А. «Невесты аллаха»: кто они? // Мир и согласие. 2006. № 1.

В ответе на этот вопрос мы и подходим к пониманию женского шахидизма как террористического превращения исламского явления, которое осуществляется не только усилиями радикальных исламистов, стремящихся использовать в своих военно-политических целях отдельных мусульман. Подобная трансформация происходит еще и стараниями некоторых представителей западной исламистики, изначально враждебно настроенной ко всему исламскому. Но в любом случае важно то, что превращение шахидства в шахидизм осуществляется путем искажения многих положений Корана и Сунны, игнорирования духа Ислама, его установок на то, что забота о своей жизни, как и о жизни других людей, является важнейшим предписанием религии. Ислам всегда осуждал как самоубийства, так и лишение жизни другого человека, квалифицируя их как тягчайший грех, сравнимый с ширком, то есть нововведениями.

В этом плане показательна позиция руководства организаций ХАМАС и «Исламский джихад», которое первоначально было категорически против того, чтобы женщины участвовали в террористических действиях, так как они должны оставаться дома, играть традиционные роли матерей и жен, носить исламскую одежду, не появляться на людях без сопровождения. Но уже в 2002 г. Ясир Арафат в своей знаменитой речи «Армия роз» стал призывать женщин наравне с мужчинами бороться против Израиля. В тот же день палестинка Вада Идрис стала смертницей¹.

Подобную же трансформацию претерпела и позиция духовного лидера ХАМАС шейха Ахмеда Ясина, который раньше осуждал акции с участием женщин-смертниц, но в 2004 году уже заявил об акте женского террора как о «значительном шаге вперед в развитии нашей веры», добавив: «Так как мужчины встречают больше препятствий, мы решили использовать женщин, которым легче достичь намеченных целей»². Он же предложил и вовсе нерелигиозное оправдание террористического поведения женщин. По его мнению, мусульманки, принимающие решение стать «живыми бомбами», вовсе «не нуждаются в религиозных правилах для совершения самоубийства»³.

Изменения в оценках женского терроризма произошли и с известным исламским теологом Юсуфом Кардави, который заявил: «Женщина призвана участвовать в джихаде точно так же, как и мужчина... Я думаю, что у женщины есть право на свою роль в джихаде, как и на то, чтобы она добровольно приняла мученичество»⁴. Как видим, исламисты не только

¹ Victor B. Army of roses: Inside the world of Palestinian women suicide bombers. – N.Y.: St. Martin's press, 2003.

² Тоамех Кх. А. [Islam] Women may be terror suicide bombers. Muslim scholarrules item 3421. 2003. 26 May. // URL: ReligionNewsBlog.com (дата обращения: 24.04.2021).

³ Артюшкин А. «Невесты аллаха»: кто они? // Мир и согласие. 2006. № 1. С. 130.

⁴ URL: www.palestine=info.info (дата обращения: 19.04.2021).

вовлекают женщин в террористическую деятельность, но и придают джихаду превращенную форму джихадизма, т.е. вооруженной борьбы с неверными. При этом они тут же позволяют себе откровенничать об излишности каких-либо религиозных правил, регламентирующих суицидальное поведение женщин.

Таким образом, предпринимаемые вождями-вдохновителями терроризма усилия по обоснованию правомерности и оправданности вовлечения женщин в качестве смертниц в террористическую практику стало одной из фундаментальных причин появления и распространения «женского шахидизма» как превращенной формы исламского явления. Только шокирующие акции, совершаемые смертницами, имеют своей целью не решение религиозных вопросов, а оказание психологического давления на органы власти, порождение массовых социальных страхов и ужасов, способствующих, по мнению их организаторов, деморализации противника и склоняющих его к выгодному для вдохновителей терроризма компромиссу. Тем более что средства массовой информации уделяют в восемь раз больше внимания терактам, в которых участвуют женщины, чем тем, что совершены только мужчинами¹.

Благодаря такой публичности, которая легко обеспечивается использованием возможностей современных информационных технологий, организаторы акций смертниц нередко достигают своих целей. Объектами же атак женщин-смертниц чаще всего оказываются наиболее слабо защищенные места современного общества, такие как больницы, школы, детские сады, дома культур, вокзалы, подземные переходы, частные домовладения и пр.

Каковы же непосредственные причины, которые заставляют оболваненных террористической пропагандой женщин становиться «живыми бомбами»? Очевидно, что религиозная вера не может быть такой причиной уже потому, что ислам осуждает любое самоубийство. Среди причин распространения проявлений «женского шахидизма» экспертами чаще всего называются простота подготовки акций с использованием женщин-смертниц, легкость проникновения смертницы на место совершения самоподрыва, отсутствие необходимых затрат на планирование путей отхода, на обеспечение отхода от места совершения терактов и т. п. А если к этому прибавить героизацию смертницы, тиражирование в СМИ и СМК ее образа как мученицы веры, то становится понятной привлекательность проведения таких акций и для вождей-вдохновителей терроризма, и для организаторов акций смертниц, и для самих смертниц.

¹ Блум М. Bloom M. Female suicide bombers. A global trend // Daedalus. – Cambridge, 2007. Vol. 136, № 1. P. 100.

Для организаторов акций смертниц, «живые бомбы» – это товар однократного использования, когда решается самый сложный для организаторов вопрос – как подготовить пути отступления и покинуть место совершения подрыва. А то, что женщинам легче, не привлекая внимания, добраться до места совершения акции и тем самым обеспечить внезапность, неожиданность атаки, позволяет расширить практику их применения в террористических атаках, пусть даже и вопреки традиционным мусульманским запретам. А. Артюшкин указывает еще и на то, что почти все смертницы, совершившие теракты в России, находились под воздействием психотропных препаратов, а фанатичная религиозная составляющая у террористок-смертниц, если и присутствует, то лишь в малой степени¹.

Во многом идентичны и психологические особенности женщин-смертниц, выделяемые исследователями. Они отдают себе отчет в том, что идут на смерть, более того, личная смерть для них становится непременным условием успешности своей миссии. Им свойственно дихотомическое мышление, низкий уровень эмпатии, неспособность адекватной идентификации себя с окружающими, неуверенность в себе и за свое существование, наличие акцентуации или психопатизации личности, повышенная внушаемость, размытые границы между реальностью и фантазией, формирование соответствующей системы иррациональных, деструктивных, антигуманных ценностей². Большинство экспертов сходятся и в том, что женщину проще зомбировать, чем мужчину, проще принудить употребить психотропные и наркотические вещества и тем самым нацелить на совершение самоподрыва.

В заключение отмечу, что легче всего в «живые бомбы» превращаются молодые девушки, потерявшие в тех или иных конкретных обстоятельствах своих близких и желающие отмщения (черные вдовы); подвергшиеся физическому и психическому насилию и опасаящиеся оглашения их позора; перманентно испытывающие чувство вины за те или иные собственные поступки; подвергшиеся психической обработке и внушению и т.д.

Мотивами самоубийственного поведения женщин-смертниц могут стать и стремление участвовать в борьбе за национальное освобождение; и желание отомстить за любимого человека, погибшего в ходе вооруженного конфликта; и стремление вырваться из сферы личной и обрести равноправный с мужчиной гражданский статус; и желание искупить совершенные грехи, караемые с точки зрения шариата; и воздействие

¹ Артюшкин А. «Невесты аллаха»: кто они? // Мир и согласие. 2006. № 1. С. 136

² Бакин А.А., Липский Н.А. Террористки-смертницы (психолого-психиатрический и криминологический анализ) // Ученые записки Санкт-Петербургского университета имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 1 (57). С. 110.

наркотиков, манипуляция или индоктринация; ну и, конечно же, экономическая мотивированность, упование на получение ее семьей определенной компенсации.

В любом случае причинная мотивация поведения женщины-смертницы находится далеко за гранью религиозного, в нем нет ничего собственно исламского и это становится основной особенностью содержания «женского шахидизма» как террористического превращения исламского феномена.

Черепанов Виктор Алексеевич,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления и права
Ставропольского государственного аграрного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
академик РАЕН

О ГОЛОСОВАНИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В теории конституционного права термин «голосование» употребляется в различных значениях: как институт, как процесс голосования, как стадия различных форм непосредственного народовластия¹. Формат нашего обсуждения не позволяет рассмотреть весь спектр взглядов, связанных с интерпретацией данного понятия, поэтому, не претендуя на всеобъемлемость и окончательную завершенность, полагаем возможным предложить рабочее определение, основные параметры которого отмечаются многими авторами и образуют некоторый инвариант значения термина «голосование».

Голосование (народное голосование) – это прямое императивное выражение воли народа в ходе опроса граждан, проводимого органами публичной власти в целях приведения лица к должности, его отстранения от должности, принятия решения по вопросам государственного или местного значения.

Предложенное определение, на наш взгляд, не является «очередной игрой в дефиниции» и содержит необходимые и достаточные существенные признаки рассматриваемого понятия, в числе которых выделим следующие.

¹ Подробнее об этом см.: Комарова В. В. Народные голосования в Российской Федерации М. Берлин, 2014; Она же. Референдумный процесс Российской Федерации. М., 2014.